

Цена номера 5 копеек.

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел 5-50-85
Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч

ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек“, Москва, 6, Страстной
бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.

МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37, (уг. М. Гнездииковского).
Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

С 1 мая до конца года — 1 руб. 50 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп.,
на 3 мес. — 60 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 13. Понедельник, 15 июля 1929 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА

Под таким названием в скором времени должна выйти издаваемая ГИЗ'ом книга впервые публикуемых 304 писем А. П. Чехова, собранных и подготовленных к печати Московским музеем им. А. П. Чехова при Всесоюзной Ленинской библиотеке.

Письма Чехова достигают порою высокой социальной выразительности и, что прежде всего выделяет их, они отличаются самостоятельной художественной формой. Уже давно установлено, что эпистолярная манера Чехова оказалась настолько оригинальной и свежей, что наименование особого раздела чеховских текстов «Письма Чехова» — стало уже нарицательным.

Внимание прежде всего заостряется на местах, которые помогают пониманию чеховской поэтики и вновь возвращают нас к волнующей теме о творческих приемах писателя. В этом отношении является довольно показательным следующее письмо к А. С. Лазареву-Грузинскому:

«13 марта (1890 г. Москва).
Добрейший Александр Семенович, воз-

вращаю вам вашу марку, впрочем не в девственном состоянии, а уже приклеенною к конверту сего письма. Письмо ваше к Суворину отправил я в корзину, предварительно оторвав чистую половину почтового листа. Причины таковой варварской расправы кроются в следующих положениях: 1) за гонзором следует адресоваться не к Суворину, а в контору (Невский, 38), у Суворина же ваше письмо рискует заваляться, 2) все сотрудники (за исключением Шекспира, меня) за первые свои рассказы в «Новом Времени» получали сплошной пятак — это правило, нарушаемое очень и очень редко; чтобы вам за свой рассказ «Побег» получить 7—8 коп., и чтобы ходатайство мое в этом направлении имело силу, вам следует написать еще 2—3 рассказа и потом уж подать общий счет. Послушайте меня!

Ваш «Побег» не плох, но сделан больше, чем небрежно. Анякой и Прохором называется у вас одно лицо. Я исправлял, исправлял и все-таки прозевал одного Прохора, и он удержался так и, вероятно, породил недоумение не у одного внимательного читателя. За ним, стройте фразу, делайте ее сочнее, жирней, а то она у вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь заколоченного сига. Надо рассказ писать 5—6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась. Само собой разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила, но вам молодым рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства, и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми и изгаженными...

Бывает у меня Ежов. У него беда: жена больна. Дела, повидимому, не блестящи, но он не унывает.

Пишите же поскорей субботник, не ленитесь и не будьте похожи на того обывателя, который каждое утро, прежде чем решиться надеть сапог, долго крикает, охват и почесывает поясницу.

Будьте здоровы и небесами хранимы.

Ваш А. Чехов.

Худекову напишу, будьте покойны».

Чехов — всегда на-страже точного фактического материала, относящегося к той или иной области человеческой деятельности. Мы узнаем, что Чехов читает «таможенный устав», в одном из писем он легко, мимоходом, с канцелярской неопределенностью, набрасывает проект официальной бумаги, а неточность, допущенную одним из своих корреспондентов по линии этих уставных вопросов, исправляет следующей фактической справкой: «Младших провизоров нет. Вот должности: провизор, помощник провизора, аптекарский помощник. Все вместе называются фармацевты...».

Наблюдательные писательские пункты — цирк, кладбище, клиника и др. — вновь находят рекомендацию Чехова. В одном из писем к Суворину он включает в маршрут по Москве кладбище и цирк.

Чехов говорит о русском искусстве с Толстым и В. Васнецовым, а в одном из писем к М. И. Чайковскому пишет: «Если говорить о рангах, то в русском искусстве он (т. е. П. И. Чайковский. — Е. Л.) занимает теперь второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом (третье я отдаю Репину, а себе беру девяносто восьмое)».

Не останавливаясь на других моментах, отметим, что в новых высказываниях Чехова встречается безоговорочно-резкая характеристика обедневшего, паразитирующего помещика-дворянина. Это письмо — прекрасный документ для уяснения некоторых сторон экономики 90-х годов. Другой сорт дворян, прожывавших остатки состояния в заграничных курортах, косвенно показан в письмах к Хотяницевой, написанных в Ницце, где Чехов сам жил в так называемом «Pension Russe». Как антипод этой касты от земельной ренты, выступает писатель-разночинец, когда он описывает свою подготовку к поездке на Сахалин: «Я сижу безвыходно дома и читаю о том, сколько стоил сахалинский уголь в 1883 г. и сколько стоил шанхайский, читаю об амплитудах NO, NB и SO, прочих ветрах..., читаю о почве, подпочве, супесчаной глине и глинистом супесчанике...». И великолепным показателем сознательной настойчивости, большой дисциплины и трудоспособности, с которыми Чехов подходил к своей литературной работе, служит следующее письмо к А. С. Лазареву-Грузинскому:

«1 февраля (1888 г. Москва).

Спасибо вам за письмо, добрейший Александр Семенович. Я тоже здоров и жив. «Отечь» вчера кончил и отправил в «Северный Вестник». Вышло у меня кажется, больше пяти печатных листов.

200 X 5 = 1.000 руб.

Надо быть очень великим писателем, чтобы в один (1) месяц заработать тысячу рублей. Не правда ли?

На свою «Отечь» я потратил много соку, энергии и фосфора, писал с напряжением, нутужался, выжимал из себя и утомился до безобразия. Удалась она или нет, не знаю, но во всяком случае она — мой шедевр, лучше сделать, не умею, и поэтому ваше утешение, что «иногда вещицы не задаются» (в случае неуспеха), утешить меня не может. Дебют, масса энергии, напряжение, короткий сюжет и прочее — тут уж едва ли подойдет ваше «иногда». Если при данных условиях написал скверно, то при условиях менее благоприятных напишу значит еще хуже...

Да-с, батенька, у вас еще впереди будущее (2—3 года), а я переживаю кризис. Если теперя не возьму приза, то уж начну спускаться по наклонной плоскости... А вы меня утешаете наречием «иногда»! Когда вы будете умирать, я напишу вам: «Люди иногда умирают», а когда, потратив все, что имели, будете дебютировать в чем-нибудь, напишу: «Дебютанты иногда проваливаются». И вы утешитесь.

От Лейкина и Билибина слышатся гробовое молчание. Молчание первое носит в себе зловещий характер. Крику слычей и филинов я придаю гораздо меньшее значение, чем молчанию тонких дипломатов. Со страхом ожидаю какой-нибудь большой глупости или сплетни. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Разумеется, издаваемые письма — не последняя веха на пути разыскания, изучения и комментирования писем Чехова. Нам еще ждут новые находки, новые открытия. Но книга «Неизданных писем» вновь со всей определенностью ставит перед нами вопрос о необходимости включения академического свода писем Чехова в полное собрание его сочинений, в качестве органической части всего творчества в целом этого выдающегося художника.

Евгений Лейтнеркер.

* Периодическая публикация в этой статье двух оригиналов писем А. П. Чехова Государственным Издательством воспрещена.